

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Н.В. Ольховик

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

22 марта 2017 г.

Дата принятия в печать

16 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения

2 марта 2018 г.

Ключевые слова

Предупреждение преступности; международные стандарты обращения с осужденными; альтернативы лишению свободы; наказания, не связанные с лишением свободы; непенитенциарный режим

Аннотация. Создание в России эффективной системы наказаний, не связанных с лишением свободы, расширение их применения невозможны без устранения проблем их правового регулирования. Часть этих проблем обусловлена несоответствием порядка и условий исполнения (отбывания) наказаний без изоляции от общества накопленному мировому опыту. Рассмотрены состояние, структура и динамика рецидивной преступности осужденных в период исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также после их отбытия. В период отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, наиболее криминогенной категорией являются осужденные к ограничению свободы, второе место занимают осужденные к исправительным работам, наиболее благополучными выглядят осужденные к обязательным работам и лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В течение трех лет после отбытия наказания менее рецидивоопасными являются осужденные к ограничению свободы (27 %). Рецидив среди осужденных, отбывших исправительные работы, составляет 35 %. Наиболее рецидивоопасны осужденные к обязательным работам (37 %). Приводятся основные положения международно-правовых документов в части регламентации порядка и условий исполнения (отбывания) наказаний, не связанных с лишением свободы (непенитенциарного режима), а также положительный зарубежный опыт. Обосновывается запрет назначения исправительных работ иностранцам; дополнение требований непенитенциарного режима обязанностями осужденного возместить причиненный потерпевшему вред; возможность изменения обязанностей осужденного в период отбывания наказаний; возможность условно-досрочного освобождения при отбывании обязательных и исправительных работ, а также ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания.

THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PUNISHMENT WITHOUT A DEPRIVATION OF LIBERTY

Nikolay V. Olkhovik

National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

Article info

Received

2017 March 22

Accepted

2018 February 16

Accepted

2018 March 2

Keywords

Crime prevention; international standards of treating convicts; alternatives to imprisonment; punishment without a deprivation of liberty; non-penal regime

Abstract. It is impossible to create in Russia an efficient system of punishments that do not involve incarceration and to widen their use unless the problems of their legal regulation are solved. Some of these problems are caused by the fact that the procedures and conditions of serving sentences without isolation from society do not correspond to international experience. The author examines the condition, structure and dynamics of repeat crimes of convicts committed while serving sentences that do not involve imprisonment and after the sentences have been served. The most criminogenic category of offenders serving sentences without imprisonment is people sentenced to the restriction of freedom, the second place is held by those sentenced to correctional labor, while the most problem-free categories are those sentenced to community service and disqualified from holding certain positions or from engaging in certain activities. During the three years after having served the sentence those convicted to the restriction of freedom remain least prone to repeat crimes (27 %). The rate of repeat crimes among those who have served correctional labor is 35 %. Those sentenced to community service are most likely to commit repeat offences (37 %). The author presents key clauses of international legal documents that regulate the procedures and conditions for serving punishments not involving deprivation of liberty (non-penitentiary regime), as well as positive international experience. The author also argues in favor of banning foreign citizens from correctional labor; supplementing the demands of non-penitentiary regime with the obligations of the convict to compensate for the damage inflicted on the

victim; an opportunity to change the obligations of the convict serving the sentence; the possibility of early conditional release for those sentenced to community service and correctional labor and the restriction of freedom as the basic sentence.

Определение эффективности исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, невозможно без исследования степени достижения поставленных перед ними целей.

По данным официальной судебной статистики, количество лиц, осужденных к реальному лишению свободы, за последнее десятилетие хотя и постепенно снижается, но остается примерно на уровне 31 %. В 2005 г. их доля составляла 35 % от общего числа осужденных, в 2006 г. уменьшилась до 34,5 %, в 2007 г. — до 32,8 %, в 2008 г. опять составила 35,0 %, в 2009 г. — 32,1 %, в 2010 г. — 31,1 %, в 2011 г. — 28,7 %, в 2012 г. — 27,9 %, в 2013 г. — 28,5 %, в 2014 г. — 29,1 %, в 2015 г. — 28,8 %¹. Сложившаяся практика в принципе соответствует современной тенденции уголовной политики, направленной на сокращение применения реального лишения свободы, в том числе и посредством введения наказаний, не связанных с лишением свободы. Однако, несмотря на появление новых наказаний, не связанных с лишением свободы (введение в действие в 2005 г. обязательных работ, в 2010 г. — ограничения свободы, в 2017 г. — принудительных работ), расширение практики их применения происходит крайне сложно. Доля осужденных к ограничению свободы, начиная с момента введения этого наказания в действие, увеличилась более чем в 4 раза. Удельный вес ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания, составлял 0,95 % от общего количества ежегодно осуждаемых лиц в Российской Федерации в 2010 г., 1,40 % — в 2011 г., 2,80 % — в 2012 г., 4,35 % — в 2013 г., 3,75 % — в 2014 г., 3,90 % — в 2015 г., 4,10 % — в 2016 г. За аналогичный период почти в 8 раз увеличилась и доля осужденных к ограничению свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания: 0,14 % от общего количества ежегодно осуждаемых лиц в Российской Федерации в 2010 г., 0,50 % — в 2011 г., 0,80 % — в 2012 г., 0,90 % — в 2013 г., 0,95 % — в 2014 г., 1,06 % — в 2015 г., 1,10 % — в 2016 г.

Удельный вес осужденных к исправительным работам в общем количестве ежегодно

осуждаемых лиц в Российской Федерации увеличивался до 2014 г. включительно и находился в пределах от 5,2 % в 2009 г. до 10,5 % в 2014 г. Начиная с 2015 г. количество и удельный вес осужденных к исправительным работам уменьшается и в 2016 г. составляет 9 % от общего количества ежегодно осуждаемых лиц в Российской Федерации.

Наблюдается рост и удельного количества осужденных к обязательным работам: от 7,5 % в 2009 г. до 11,6 % в 2016 г. При этом наибольшие значения этого показателя были в 2011 и 2016 гг. — 11,5 и 11,6 % соответственно.

Удельный вес осужденных к запрету занимать должности или заниматься определенной деятельностью, назначенному в качестве основного наказания с 2009 по 2016 г., составлял 0,03 % от общего количества ежегодно осуждаемых лиц в Российской Федерации. Что касается данного наказания, назначенного в качестве дополнительного вида, то за аналогичный период его доля находилась в пределах от 0,8 % от общего количества ежегодно осуждаемых лиц в Российской Федерации — в 2009 г. до 2,7 % — в 2016 г.

Следует также отметить последовательное увеличение количества лиц, осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания: 14,7 % от общего количества ежегодно осуждаемых лиц в Российской Федерации — в 2009 г., 14,7 % — в 2010 г., 14,6 % — в 2011 г., 15,4 % — в 2012 г., 15,9 % — в 2013 г., 15,7 % — в 2014 г. Начиная с 2015 г. удельный вес осужденных к штрафу начинает убывать и составляет 13,5 %.

Несмотря на это, количество лиц, осуждаемых к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, из года в год остается практически стабильным. В 2009 г. их удельный вес среди общего количества осужденных в Российской Федерации составлял 69,8 %, в 2010 г. — 69,90 %, в 2011 г. — 72,30 %, в 2012 г. — 72,10 %, в 2013 г. — 72,50 %, в 2014 г. — 71,99 %, в 2015 г. — 72,20 %, в 2016 г. — 72,50 %. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что подавляющее большинство осужденных без изоляции от общества составляют по-прежнему условно осужденные, и их удельный вес постепенно уменьшается: 40,0 % — в 2009 г., 38,0 % — в 2010 г., 37,7 % — в 2011 г., 32,8 % — в 2012 г.,

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=1>.

30,3 % — в 2013 г., 27,5 % — в 2014 г., 25,4 % — в 2015 г., 25,0 % — в 2016 г. Среди подконтрольного уголовно-исполнительным инспекциям контингента условно осужденные составляют абсолютное большинство, их удельный вес также уменьшается: 88,5 % — в 2005 г., 86,2 % — в 2006 г., 85,3 % — в 2007 г., 85,8 % — в 2008 г., 89,3 % — в 2009 г., 86,5 % — в 2010 г., 84 % — в 2011 г., 76,4 % — в 2012 г., 72,2 % — в 2013 г., 72,6 % — в 2014 г., 71 % — в 2015 г., 61,8 % — в 2016 г.²

Кроме того, нельзя не заметить, что одним из реальных последствий реформы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства явилось заметное повышение доли лиц, осужденных, например, к исправительным работам, которые по степени социально-нравственной испорченности оказались более запущенными по сравнению с аналогичной категорией осужденных еще 15 лет назад. В структуре осужденных без изоляции от общества заметно увеличилось число лиц, совершивших тяжкие преступления, неоднократно судимых, ведущих паразитический образ жизни. По данным официальной судебной статистики, удельный вес судимых среди осужденных к исправительным работам составлял в 2009 г. 22,25 %, в 2010 г. — 24,70 %, в 2011 г. — 28,90 %, в 2012 г. — 29,00 %, в 2013 г. — 27,70 %, в 2014 г. — 28,20 %, в 2015 г. — 27,10 %, в 2016 г. — 28,00 %. Примерно такие же значения показателя лиц, имеющих судимость, характерны и для осужденных к ограничению свободы: 24,20 % — в 2010 г., 30,10 % — в 2011 г., 25,50 % — в 2012 г., 25,90 % — в 2013 г., 24,75 % — в 2014 г., 45,10 % — в 2015 г., 45,00 % — в 2016 г. Имеющих неснятую и непогашенную судимость среди осужденных к обязательным работам в 2009 г. было 16,3 %, в 2010 г. — 17,3 %, в 2011 г. — 19,4 %, в 2012 г. — 17,5 %, в 2013 г. — 16,0 %, в 2014 г. — 15,2 %, в 2015 г. — 12,5 %, в 2016 г. — 13,0 %. Все это не могло не отразиться на состоянии преступности осужденных без изоляции от общества, большая часть которых состоит на учетах уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний.

Среди осужденных к обязательным работам в 2005 г. было зарегистрировано 10 преступлений, в 2006 г. — 74, в 2007 г. — 92, в 2008 г. — 303, в 2010 г. — 634, в 2011 г. — 804, в 2012 г. — 847, в 2013 г. — 1 587, в 2014 г. — 1 483, в 2015 г. — 1 631, в 2016 г. — 2 596. Тем

² Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <http://фсин.пф>.

самым в 2016 г. темп роста к 2005 г. составил 163,1, а уровень преступности постоянно рос и достиг 33 в расчете на 1 тыс. осужденных.

Осужденными к исправительным работам в течение срока исполнения наказания в 2004 г. было совершено 287 преступлений, в 2005 г. — 371, в 2006 г. — 426, в 2007 г. — 529, в 2008 г. — 1 008, в 2010 г. — 1 276, в 2011 г. — 1 235, в 2012 г. — 1 558, в 2013 г. — 1 750, в 2014 г. — 1 561, в 2015 г. — 783, в 2016 г. — 734. Следовательно, в 2016 г. темп роста к 2004 г. составил 2,5, уровень преступности составил 15 в расчете на 1 тыс. осужденных.

Осужденными к уголовному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в период исполнения этого наказания было совершено 2 преступления в 2004 г., ни одного — в 2005 г., 9 — в 2006 г., 2 — в 2007 г., 7 — в 2008 г., 9 — в 2009 г., 21 — в 2010 г., 11 — в 2011 г., 22 — в 2012 г., 49 — в 2013 г., 41 — в 2014 г., 65 — в 2015 г., 193 — в 2016 г. В 2016 г. темп роста к 2004 г. составил 96,5. Уровень преступности осужденных к уголовному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в этот период возрастал и в 2016 г. составил 2 в расчете на 1 тыс. осужденных.

В период исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы в 2010 г. было совершено 142 преступления, в 2011 г. — 504, в 2012 г. — 730, в 2013 г. — 1 123, в 2014 г. — 1 044, в 2015 г. — 736, в 2016 г. — 1 357. Таким образом, в 2016 г. темп роста к 2010 г. составил 9,5. Уровень преступности рассматриваемой категории осужденных увеличивался и в 2016 г. достиг 14 в расчете на 1 тыс. осужденных.

Приведенные показатели рецидивной преступности осужденных позволяют сделать несколько выводов. Так, если проанализировать структуру рецидивной преступности осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, по отдельным категориям осужденных, то наиболее криминогенными среди них являются осужденные к исправительным работам, на втором месте находятся осужденные к ограничению свободы и обязательным работам, третье место занимают осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Однако если сопоставить официальные данные о количестве совершенных в течение срока нака-

здания новых преступлений в процентах от среднесписочной численности соответствующей категории осужденных, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций, то можно сделать и другие выводы.

Во-первых, наиболее криминогенной категорией являются осужденные к ограничению свободы, второе место занимают осужденные к исправительным работам, наиболее благополучными выглядят осужденные к обязательным работам и лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Следует отметить, что рецидивоопасность осужденных к исправительным работам была одинаковой по данным статистики и 20 лет назад, а также не очень различалась по результатам исследования, проведенного С.И. Комарицким в конце 1980-х — начале 1990-х гг. [1, с. 26–27].

Рецидивная преступность осужденных к обязательным работам также представлена кражами (48,3 %), грабежами (7,6 %), злостным уклонением от уплаты средств на содержание детей (6,5 %), мошенничеством (5,4 %), убийствами и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью (3,3 %), а также разбоями и преступлениями, предусмотренными ст. 228 и 228.1 УК РФ (2,2 %). Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, изнасилование, вымогательство, хулиганство, преступления, предусмотренные ст. 222 УК РФ, не превышают 0,5 % от общей массы преступлений, совершенных в период исполнения обязательных работ.

В структуре рецидивной преступности осужденных к исправительным работам появились умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (1,4 %), изнасилование (0,8 %), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (0,6 %), вымогательство (0,3 %), а также увеличилась доля преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1 УК РФ (с 2,4 до 7,9 %), грабежей (с 6,3 до 8,7 %), мошенничества (с 1,4 до 3,4 %) и разбоев (с 1,4 до 1,8 %). Наряду с этим уменьшился удельный вес краж (с 50 до 48 %), убийств (с 5 до 0,8 %), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей (с 5 до 3,7 %) и хулиганств (с 2,5 до 0,1 %).

В период отбывания ограничения свободы осужденные, как правило, совершали несколько преступлений. Структура их рецидивной преступности состоит из преступлений против

собственности: квалифицированных краж и грабежей, мошенничества и разбоев, а также неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. В каждом пятом случае в период отбывания ограничения свободы были совершены угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, причинение смерти по неосторожности составляют в рецидивной преступности осужденных к ограничению свободы около 5 %. На заведомо ложное сообщение об акте терроризма приходится 9,5 %.

Каждое четвертое преступление, совершенное в период отбывания уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусмотрено ст. 264 и 330 УК РФ. Преступления против собственности (62,5 %) представлены кражами (37,5 %), мошенничеством (12,5 %), грабежами (12,5 %). Преступления против жизни и здоровья (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и похищением) составляют 12,5 %.

Таким образом, проведенный анализ структуры рецидивной преступности осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, позволяет сделать ряд выводов.

Первое место в структуре рецидивной преступности осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, занимают преступления против собственности (от 62 % среди осужденных к исправительным работам до 90 % среди осужденных к ограничению свободы), которые представлены кражами, мошенничеством, грабежами, разбоями и вымогательством. При этом наблюдается рост удельного веса мошенничества, разбоев (кроме условно осужденных) и вымогательств. Исключение — рецидивная преступность осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенному в качестве основного наказания (около 1 %).

На втором месте находятся преступления против личности, в числе которых простые убийства, умышленное причинение тяжкого и среднего вреда здоровью, изнасилование и злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей. Однако удельный вес убийств в структуре каждой категории осужденных неодинаков. Большее значение и тенденцию к увеличению он имеет среди осужденных к обязательным работам.

Третье место занимают преступления против здоровья населения, предусмотренные ст. 228 и 228.1 УК РФ. Наиболее характерны эти преступления для рецидивной преступности осужденных к исправительным (7,9 %) и обязательным (2,2 %) работам, вовсе не характерны для рецидивной преступности осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Четвертое место занимают преступления против общественной безопасности и общественного порядка (в среднем 0,8 %), удельный вес которых, за исключением рецидивной преступности осужденных к обязательным работам, снижается.

Еще большую обеспокоенность вызывает рецидивная преступность среди осужденных без изоляции от общества после отбытия наказаний. Данные о преступлениях, совершенных взрослыми осужденными к исправительным, обязательным работам, ограничению свободы в течение трех лет после отбытия назначенного судом наказания, позволяют утверждать о том, что рецидивная преступность среди них составляет от 27 до 39 %. При этом менее рецидивоопасными являются осужденные к ограничению свободы (27 %). Рецидив среди осужденных, отбывших исправительные работы, составляет 35 %. Наиболее рецидивоопасными являются осужденные к обязательным работам: 37 % из них совершили новое преступление после отбытия наказания.

Проведенное исследование показало, что лицами, отбывшими наказание в виде ограничения свободы, совершались: преступления против собственности, среди которых преобладали кражи (40,0 %), грабежи (7,0 %), неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (4,3 %); преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (12,0 %); преступления против личности (12,0 %), представленные убийствами и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью.

После отбытия исправительных работ наиболее часто совершались: уклонение от уплаты алиментов (25,0 %), преступления против собственности, представленные кражами и грабежами (51,4 %), преступления против жизни и здоровья (13,7 %), преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (3,6 %).

Лица, отбывшие наказание в виде обязательных работ, чаще всего совершали кражи и

грабежи (78,0 %), преступления против жизни и здоровья (16,0 %), представленные побоями и угрозой убийством, уклонение от уплаты алиментов (13,0 %), преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (4,4 %).

Сравнение приведенных показателей с первичной преступностью каждой категории осужденных позволяет заметить, что преступления, совершенные после отбытия наказания, являются взаимосвязанными по характеру с теми, за совершение которых было назначено наказание, не связанное с лишением свободы. По результатам нашего исследования сделан вывод, что в каждом случае криминологического рецидива лицо, ранее осуждавшееся за кражу, грабеж либо по ст. 228 УК РФ, вновь совершает указанные преступления.

Рецидивная преступность осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, как представляется, обусловлена недостаточной индивидуализацией их назначения и исполнения применительно к отдельным уязвимым группам осужденных (несовершеннолетние, женщины, лица без определенного места жительства, иностранцы и т.д.). Уровень рецидива преступлений среди осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, мог быть гораздо ниже, если бы законодатель и правоприменители учитывали все правила международных документов относительно наказаний, не связанных с лишением свободы, а также результаты отечественных и зарубежных научных исследований в этой области.

В отечественной юридической литературе анализ международных документов относительно наказаний, не связанных с лишением свободы, рассматривался в основном с точки зрения их влияния на уголовную политику и реформу уголовно-исполнительной системы России [2–4] и других государств СНГ [5], при исследовании зарубежного опыта организации и деятельности этой службы [6, с. 39–51] либо правового регулирования и организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций [7].

Зарубежные ученые занимаются исследованиями социальной обусловленности и важности альтернатив тюремному заключению [8; 9; 10, р. 293–331] либо отдельными аспектами реализации альтернативных санкций в свете международно-правовых стандартов: индивидуализация их исполнения [11, р. 1–52; 12; 13], социальная работа с осужденными и их ресоци-

ализация [14, р. 1–52; 15; 16; 17, р. 3–84], взаимодействие служб пробации с общественностью [18; 19], исправлением осужденных [20, р. 83–102], содержанием пробации [21].

Международно-правовые документы, прежде всего Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с лишением свободы, 1990 г. (Токийские правила) [22, с. 100–113] и Европейские правила в отношении общественных санкций и мер 1992 г. [там же, с. 114–132], определяют содержание режима, которое устанавливается судом не каждому осужденному к тому или иному наказанию, не связанному с лишением свободы, а дифференцированно, с целью нейтрализовать воздействие факторов, способных создать условия для совершения осужденным нового преступления, и обеспечить благоприятные условия его исправления. В Европейских правилах в отношении общественных санкций и мер взыскания 1992 г. определено, что условия и обязательства по общественным наказаниям и мерам, которые установлены назначившим их органом, должны проистекать из ясных и недвусмысленных положений закона, так же как и последствия за невыполнение этих условий и обязательств (правило 4). Раздел 12 Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с лишением свободы, 1990 г. (далее — Токийских правил) регламентирует принципы установления осужденным «условий». В соответствии с п. 12.1, если компетентный орган определяет условия, которые должны соблюдаться правонарушителем, то он должен учитывать как интересы общества, так и интересы и права правонарушителя и жертвы. В п. 12.2 отмечается, что условия, подлежащие выполнению, должны быть практическими, точными, по возможности малочисленными и направлены на уменьшение вероятности возвращения правонарушителя к уголовной деятельности и повышение вероятности возвращения правонарушителя к нормальной жизни в обществе с учетом интересов жертвы. На вопрос об имплементации этих рекомендаций в российское законодательство нельзя ответить однозначно. Содержание режима при наказаниях, не связанных с лишением свободы (в отличие от условного осуждения, которое не является уголовным наказанием), не включает обязанность осужденного возместить причиненный потерпевшему вред, следовательно, не учитывает интересы потерпевшего от преступления. Включение этой обязанности в содержание режима наказаний,

не связанных с лишением свободы, будет соответствовать основным направлениям виктимологической политики Российской Федерации. Содержание режима наказания, не связанного с лишением свободы, не всегда учитывает интересы самого осужденного в части реализации его права на образование и труд [23, с. 16–26]. Так, трудоустроить осужденного к исправительным работам 14–15-летнего несовершеннолетнего в общем для всех осужденных порядке невозможно, ибо требуется соблюдение правил, установленных в трудовом законодательстве. В связи с этим следует согласиться с бытующим мнением о запрете назначения исправительных работ осужденным, не достигшим 16 лет. Практика показывает, что несовершеннолетних, осужденных к обязательным и исправительным работам, обучающихся в образовательных учреждениях, также невозможно привлечь к отбыванию этих наказаний в свободное от учебы время, поэтому в такой ситуации в уголовно-исполнительном законодательстве должна предусматриваться отсрочка отбывания этих наказаний в каникулярное время. В настоящий момент единственным вариантом индивидуализации исполнения приговора является предусмотренная в УПК РФ возможность отсрочки его исполнения.

Европейские правила в отношении общественных санкций и мер взыскания 1992 г. исходят также из того, что ряд требований режима могут или должны предусматриваться органом, исполняющим альтернативные санкции, при осуществлении надзора и обращения. При этом Рекомендации 1992 г. содержат критерии, которым должны отвечать эти требования. Во-первых, инструкции органа, исполняющего наказание, выпускаемые во исполнение решения о наказании и мерах, должны быть четкими и носить практический характер. Во-вторых, они не должны предъявлять к правонарушителю требования, выходящие за рамки требований, вытекающих из решений о наказании (правила 27, 73). В-третьих, они должны индивидуализироваться для каждого отдельного случая и категории осужденных (правило 24). В-четвертых, характер, содержание и способы применения общественных наказаний и мер должны исключить возможность риска нанесения физической или психической травмы (правило 26). Следуя этим правилам, определение уголовно-исполнительной инспекцией осужденному к обязательным работам вида работ и объекта, на котором они будут отбываться, должно

обеспечить не только карательное содержание этого наказания, но и благоприятные условия его исправления и предупреждение совершения осужденным нового преступления. Невыполнение этого требования может привести к тому, что наказание не будет отбываться либо его отбывание будет проходить формально (только с точки зрения учета «отработанного» осужденным времени). Аналогичный принцип должен действовать и при определении мест отбывания исправительных работ неработающим осужденным, а также при установлении дополнительных обязанностей осужденным к ограничению свободы (ст. 54 УИК РФ) [24], а также при определении осужденному к обязательным и исправительным работам, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью периодичности явки в уголовно-исполнительную инспекцию. Однако действующее законодательство не предусматривает возможности индивидуализации требований режима всем категориям осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (несовершеннолетним, женщинам, иностранцам, лицам без определенного места жительства). Если к этому добавить невозможность осуществления непрерывного контроля за поведением осужденного без изоляции от общества, то не приходится сомневаться в том, что предусмотренные законом универсальные правила не позволяют исполнить назначенное ему наказание. Так, трудоустроить осужденного к исправительным работам иностранца в общем для всех осужденных порядке невозможно, ибо требуется разрешение на работу, оформленное в установленном законом порядке. Учитывая это, а также то, что любое нарушение иностранцем миграционного законодательства будет препятствовать исполнению приговора об исправительных работах, так как этот иностранец будет выдворен за пределы Российской Федерации, а приговоры российских судов не исполняются на территории других государств, следует закрепить в ст. 50 УК РФ запрет на назначение исправительных работ иностранным гражданам.

Международно-правовые акты говорят о необходимости изменения содержания режима наказания в зависимости от поведения осужденного, а также о досрочном прекращении их исполнения. Европейские правила в отношении общественных санкций и мер взыскания 1992 г. предусматривают, что орган, принимающий решение в соответствии с действующим законо-

дательством, может изменить условия и обязательства, предусмотренные общественными санкциями и мерами, учитывать успехи, достигнутые правонарушителем (правило 87). Исходя из этого в уголовно-исполнительном законодательстве следует предусмотреть право суда по представлению уголовно-исполнительной инспекции возлагать на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным и исправительным работам обязанности как при вынесении приговора, так и в период отбывания наказания. Уголовно-исполнительные инспекции, в свою очередь, также должны обладать правом возложения на осужденных обязанностей, направленных на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований порядка и условий отбывания наказания, не только после их нарушения осужденным (как это сейчас предусмотрено в ч. 2 ст. 46 УИК РФ), но и при постановке на учет (например, являться для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию с указанием периодичности, отчитываться перед уголовно-исполнительной инспекцией о своем поведении). Необходимость индивидуализации обязанностей осужденных без изоляции от общества отмечают и иностранные ученые [25].

Европейские правила в отношении общественных санкций и мер взыскания 1992 г. также говорят о том, что орган, принимающий решение, должен быть наделен полномочиями, позволяющими ему прекратить отбывание наказания или мер до истечения срока, если установит, что правонарушитель выполнял наложенные обязательства, и сочтет, что далее нет необходимости выполнять их для достижения целей, которые преследовало наказание или меры (правило 88). Российское уголовное законодательство в настоящее время такую возможность судам предоставляет не всегда. Статья 79 УК РФ, как известно, предусматривает возможность условно-досрочного освобождения только при отбывании осужденным принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части и лишения свободы. Как представляется, возможность условно-досрочного освобождения должна быть предусмотрена и при отбывании обязательных и исправительных работ, а также ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания.

Таким образом, приведение российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с требованиями международно-правовых документов невозможно без его

изменения в части дополнения требований режима применительно ко всем наказаниям, не связанным с лишением свободы, их изменения в период исполнения наказаний и досрочной отмены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комарицкий С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы : учеб. пособие / С.И. Комарицкий. — М. : ВНИИ МВД СССР, 1991. — 109 с.
2. Уткин В.А. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: первоначальный этап проекта / В.А. Уткин // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы междунар. конф. М. : PRI, 2001. — С. 5–12.
3. Мананкова М.А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, и вопросы их реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.А. Мананкова. — Томск, 1998. — 22 с.
4. Тепляшин П.В. Влияние международного пенитенциарного права на реформу уголовно-исполнительной системы России / П.В. Тепляшин. — Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2012. — 132 с.
5. Гета М.Р. Опыт пробации и его применение в Республике Казахстан / М.Р. Гета. — Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2003. — 44 с.
6. Хуторская Н.Б. Организация и деятельность служб пробации за рубежом / Н.Б. Хуторская // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы междунар. конф. — М. : PRI, 2001. — С. 39–52.
7. Коровин А.А. Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций на основе реализации европейских стандартов и зарубежного опыта / А.А. Коровин, Н.Б. Хуторская. — М. : PRI, 2011. — 151 с.
8. Vivien S. An Alternative Vision: Criminal Justice Developments in Non-Western Countries / S. Vivien // Social Justice. — 2001. — Vol. 28, no. 3. — P. 88–104.
9. Plesničar M.M. The individualization of punishment: Sentencing in Slovenia European / M.M. Plesničar // Journal of Criminology. — 2013. — Vol. 10, no. 4. — P. 462–478.
10. Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice / A. Ashworth. — 4th ed. — New York : Cambridge Univ. Press, 2005. — 446 p.
11. Parent D. Police-Corrections Partnerships / D. Parent, B. Snyder. — Washington : Department of Justice Office of Justice Programs, 1999. — 53 p.
12. Keve P.W. Imaginative programming in probation and parole / P.W. Keve. — Minnesota : Univ. of Minnesota Press, 1976. — 293 p.
13. What Works in Probation and Youth Justice. Developing evidence-based practice / eds : R. Burnett, C. Roberts. — Portland : Willan Publ., 2004. — 267 p.
14. 21st Century Social Work. Reducing Re-offending: Key Practice Skills / F. McNeill [et al.]. — Edinburgh : Scottish Executive St Andrew's House, 2005. — 53 p.
15. Merrick D. Social Work and Child Abuse: Still walking the tightrope? / D. Merrick. — 2nd ed. — London : Routledge, 2006. — 240 p.
16. Mullender A. The social work and probation response / A. Mullender. — London : Taylor&Francis, 2002. — 317 p.
17. After Crime and Punishment. Pathways to offender reintegration / eds : Sh. Maruna, R. Immarigeon. — Portland : Willan Publ., 2004. — 322 p.
18. Goodman A.H. Rehabilitating and Resettling Offenders in the Community / A.H. Goodman. — New York : Wiley, 2012. — 192 p.
19. The effectiveness of service work: An analysis of recidivism / R. Nirel [et al.] // Journal of Quantitative Criminology. — 1997. — Vol. 13, iss. 1. — P. 73–92.
20. Crow I. The Treatment and Rehabilitation of Offenders / I. Crow. — London : SAGE Publ., 2001. — 237 p.
21. King S.J. Desistance Transitions and the Impact of Probation / S.J. King. — London : Taylor&Francis, 2014. — 256 p.
22. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций : сб. норм.-прав. актов / под ред. О.В. Филимонова. — М. : PRI, 2002 — 332 с.
23. Прокументов Л.М. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение / Л.М. Прокументов, Н.В. Ольховик. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. — 154 с.
24. Vanhaelemeesch D. Punishment at home: Offenders' experiences with electronic monitoring / D. Vanhaelemeesch, T.V. Beken, St. Vandeveldel // European Journal of Criminology. — 2014. — Vol. 11, no. 3. — P. 273–287.
25. Durnescu I. Probation skills between education and professional socialization / I. Durnescu // European Journal of Criminology. — 2014. — Vol. 11, no. 4. — P. 429–444.

REFERENCES

1. Komaritskii S.I. *Effektivnost' ispolneniya nakazanii, ne svyazannykh s lisheniem svobody* [The Effectiveness of Punishment without Incarceration]. Moscow, All-Russian Research Institute of MIA of the USSR Publ., 1991. 109 p.
2. Utkin V.A. Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: the initial stage of the project. *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiiskoi Federatsii* [Alternatives to Imprisonment in the Russian Federation]. Moscow, PRI Publ., 2001, pp. 5–12. (In Russian).
3. Manankova M.A. *Mezhdunarodnye standarty primeneniya ugovovno-pravovykh mer, ne svyazannykh s lisheniem svobody, i voprosy ikh realizatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [International standards of criminal law measures not connected with incarceration, and the issues of their implementation. Cand. Diss. Thesis]. Tomsk, 1998. 22 p.

4. Teplyashin P.V. *Vliyanie mezhdunarodnogo penitentsiarnogo prava na reformu ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii* [The Influence of International Penitentiary Law on the Penitentiary System's Reform in Russia]. Krasnoyarsk, the Siberian Law Institute of MIA of Russia Publ., 2012. 132 p.
5. Geta M.R. *Opyt probatsii i ego primeneniye v Respublike Kazakhstan* [The Experience of Probation and its Use in the Republic of Kazakhstan]. Ust-Kamenogorsk, Media Alliance Publ., 2003. 44 p.
6. Khutorskaya N.B. The organization and work of probation services in other countries. *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiiskoi Federatsii* [Alternatives to Imprisonment in the Russian Federation]. Moscow, PRI Publ., 2001, pp. 39–52. (In Russian).
7. Korovin A.A., Khutorskaya N.B. *Pravovoe regulirovaniye i organizatsiya deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsii na osnove realizatsii evropeiskikh standartov i zarubezhnogo opyta* [Legal Regulation and Organization of the Work of Probation Inspections based on European Standards and International Experience]. Moscow, PRI Publ., 2011. 151 p.
8. Vivien S. An Alternative Vision: Criminal Justice Developments in Non-Western Countries. *Social Justice*, 2001, vol. 28, no. 3, pp. 88–104.
9. Plesničar M.M. The individualization of punishment: Sentencing in Slovenia European. *Journal of Criminology*, 2013, vol. 10, no. 4, pp. 462–478.
10. Ashworth A. *Sentencing and Criminal Justice*. 4th ed. New York, Cambridge University Press, 2005. 446 p.
11. Parent D., Snyder B. *Police-Corrections Partnerships*. Washington, Department of Justice Office of Justice Programs, 1999. 53 p.
12. Keve P.W. *Imaginative programming in probation and parole*. Minnesota, University of Minnesota Press, 1976. 293 p.
13. Burnett R., Roberts C. (eds). *What Works in Probation and Youth Justice. Developing evidence-based practice*. Portland, Willan Publishing, 2004. 267 p.
14. McNeill F., Batchelor S., Burnett R., Knox J. *21st Century Social Work. Reducing Re-offending: Key Practice Skills*. Edinburgh, Scottish Executive St Andrew's House, 2005. 53 p.
15. Merrick D. *Social Work and Child Abuse: Still walking the tightrope? 2nd ed.* London, Routledge, 2006. 240 p.
16. Mullender A. *The social work and probation response*. London, Taylor&Francis, 2002. 317 p.
17. Maruna Sh., Immarigeon R. (eds). *After Crime and Punishment. Pathways to offender reintegration*. Portland, Willan Publ., 2004. 322 p.
18. Goodman A.H. *Rehabilitating and Resettling Offenders in the Community*. New York, Wiley, 2012. 192 p.
19. Nirel R., Landau S.F., Sebba L., Sagiv B. The effectiveness of service work: An analysis of recidivism. *Journal of Quantitative Criminology*, 1997, vol. 13, iss. 1, pp. 73–92.
20. Crow I. *The Treatment and Rehabilitation of Offenders*. London, SAGE Publ., 2001. 237p.
21. King S.J. *Desistance Transitions and the Impact of Probation*. London, Taylor&Francis, 2014. 256 p.
22. Filimonov O.V. (ed.). *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsii* [Organizational and Legal Basis of the Work of Probation Inspections]. Moscow, PRI Publ., 2002 332 p.
23. Prozumentov L.M., Ol'khovik N.V. *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh osuzhdennykh i ee preduprezhdeniye* [Repeat Crimes of Underage Convicts and its Prevention]. Tomsk State University Publ., 2011. 154 p.
24. Vanhaelemeesch D., Beken T.V., Vandeveldel S. Punishment at home: Offenders' experiences with electronic monitoring. *European Journal of Criminology*, 2014, vol. 11, no. 3, pp. 273–287.
25. Durnescu I. Probation skills between education and professional socialization. *European Journal of Criminology*, 2014, vol. 11, no. 4, pp. 429–444.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольховик Николай Владимирович — доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: lawtsu@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ольховик Н.В. Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы / Н.В. Ольховик // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 51–59. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).51-59.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olkhovik, Nikolay V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute, National Research Tomsk State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: lawtsu@rambler.ru.

FOR CITATION

Olkhovik N.V. The effectiveness of criminal punishment without a deprivation of liberty. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 51–59. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).51-59. (In Russian).